ВЕСТНИК ПЕРМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2014 **Философия. Психология. Социология** Выпуск 2 (18)

УДК 159.956.22

О НЕПОСРЕДСТВЕННОСТИ

Курбатова Людмила Викторовна
кандидат философских наук, доцент кафедры Философия и право
Пермский национальный исследовательский политехнический университет
614990, Пермь, Комсомольский пр., 29
e-mail: Lukur@list.ru

В статье рассматривается ситуация существования «непосредственного», взаимодействия непосредственного и опосредствованного, а также возможности демаркационных процедур во «внутреннем видении», которые позволяют увидеть отдельные фрагменты для различений и определений. Автор считает, что взаимодействие непосредственного и опосредованного не обязательно заканчивается развитием.
Ключевые слова: диалектика; Я; непосредственное; опосредованное; знание; мышление; идентичность; рефлексия; дерефлексия; творчество.

> *Если для вас диалектика не есть непосредственное знание (и, стало быть, не предполагает откровения), то лучше не занимайтесь диалектикой.*
>
> *...Если диалектика не умеет ничего сказать о реальном теле, — такую дрянь не стоит и именовать диалектикой. Если диалектика не показывает, что в теле дана последняя осуществленность, что всякая жизнь есть жизнь тела, того или иного, что тело — движущий принцип всякого выражения, проявления, осуществления, — то такую диалектику надо вырвать с корнем из человеческого рода, и пусть будет отстранен всякий, кто станет ее насаждать среди нас и развивать. Много и так развелось в философии всяких шарлатанов и мерзавцев, и абстрактная диалектика, не понимающая тела и его сокровенного смысла, да будет изничтожена наряду с холерными и тифозными бациллами.*
>
> *А.Ф. Лосев «Философия имени» [5, с. 17]*

Нынешняя интеллектуальная ситуация, в том числе и в России, на наш взгляд, вновь делает актуальными простые вопросы. Казалось, что ОТВЕТЫ на эти простые вопросы уже акцептованы слушателями. И не вызывают сомнений…

Однако не покидает ощущение, что невозможно, например, отнестись ПРОСТО к констатации: классическое понимание истории общества закончилось. И наступило ДРУГОЕ понимание ВСЕГО. Как это? Как может существовать ПРОСТОЕ? Или: как ПРОСТОЕ может заканчиваться? Почему так привлекательны ПРОСТЫЕ ответы и ПРОСТЫЕ вопросы?.. «Простые ответы» привлекательны в силу нашей непосредственности?.. Что касается философии, то тут тоже можно заявить, что она сегодня уже и невозможна. И не существует. А тем более — «простая философия», годная для ответов на «простые вопросы»…

Но тут же возникает сомнение! Поскольку когда-то приходилось читать: «Я не утверждаю, что философия сегодня возможна, я утверждаю, что по форме ее возможность не есть переступание через некий конец. Напротив, предстоит разобраться, что значит сделать *еще один шаг*. Всего один шаг. Шаг в современную конфигурацию, ту, что со времен Декарта связывает условия философии с тремя узловыми понятиями, каковыми являются бытие, истина и субъект» [1, с. 14]. Казалось бы: ну что за проблема? Откажемся от этого замечательного слова «субьект»! И будем странствовать, наблюдая за «моим путешествием» по смыслам, за «моими приключениями» где угодно… Примем версию устройства мира по Умберто Эко. Ну, например: «Я лишь хочу сказать, что те, кого называют авторами “художественной” литературы… никогда, ни в коем случае не должны объяснять смысл ими написанного» [9, с. 57]. Множество текстов об одном и том же пространстве, пирог текстов без приоритетов авторства… И все закончится: мир останется таким, каким он был до нас и без нас — простым и романтичным. Зовущим к приключениям и рассказам, ничьим… Не стоит быть умным… Не стоит

© Курбатова Л.В., 2014

даже и стремится к тому, чтобы «быть умным»: просто произносите, провозглашайте, манифестируйте! Зачем надеяться на то, что кто-то хочет вас услышать, а тем более — понять?!

Хорошо, что мало кто пока знает, что «на вопрос, *где* находится субъект, в ходе психологических исследований даны такие ответы, которые уличают во лжи физиологические и гражданские очевидности» [7, с. 82]. Попробуем почувствовать разницу. Между БЫТЬ… УМНЫМ, скажем, и «быть умным». Каждый, кто прочел эти слова, вероятно, смутится. В одном случае «читается» некий намек на иронию. В другом — некое ожидание «продолжения». Возникает чувство, что вот-вот «последует» рефлексивный текст. Не важно, какого содержания. Философского. Антропологического. Культурологического. Гуманистического. Исторического. Или: еще какого-то ни будь… Возникает просто вопрос: почему? В чем разница между «непосредственностью существования» чего угодно. И опосредованностью. Тоже: чего угодно!

Как «простое», не требующее доказательств, вдруг становится сложным? Появляются границы и определения. Оттенки. Резоны. Как относительно «события» возникает «роман»? Что понуждает хоть кого выворачивать наизнанку, допустим, «бытие-в-себе»? И кому-то что-то рассказывать… Доказывать… При том, что никто и спросить не смел…

Отчего вдруг Гегель взялся описывать свои безумные «философские опыты», притом что, как кажется, с ним на «одном языке» в его время никто и разговаривать-то не мог!?

У каждого из нас имеется некая «привычка к культуре». Мы не выбираем себе образование, семью, страну, мать, отца, время, когда родиться, еду, которую употребляем в детстве, игры, в которые с удовольствием играем… Не выбираем! Поскольку непосредственны! Тогда: в какое же время и почему каждого когда-то настигает это состояние «философичности» и «рефлексивности»? Эта болезнь «от чтения»? От «искусства»? От «картин»? Или «спектаклей»? От еды?..

И тогда: идентичность каждого из нас — это удержание себя в «непосредственности»? Или: «в мучениях». Как у Мамардашвили. Каждый день отказываться от себя вчерашнего. И «быть новым». Каждый день начинать наново! И не быть равным себе вчерашнему. Не попадать в болото! Счастье — в росте. Инновациях. Развитии. Движении к… некоему идеалу. Не важно «вверх» или «вниз»! …в «светлое (ли) будущее»…

Однако европейская культурная история, похоже, дозрела. Добралась до состояния, когда нет нужды реагировать на любые «теории общественного развития». Нет нужды уповать на «свет разума». Или на «Спасение» посредством «Просвещения». Философия, теории прогресса мертвы. Наука кончилась. Точнее — гуманитарная наука… Точные науки еще существуют в отдаленных уголках. И стоят невероятно дорого… (Ошибется тот, кто воспримет ЭТИ мои слова как МОИ констатации…)

Значит? Значит, пора разбираться с этим маленьким вопросом «про непосредственность». Только потому, что, если «мы» не точны в своем движении от «непосредственности» к «опосредствованию», рушится всякое основание для логики. Для заключений о чем угодно!

В старые добрые школьные времена нам казалось очевидным, что диалектика все объяснила: про преодоление границы, противоречия и борьбу, про единство противоположностей. Да так хорошо объяснила, что часто есть соблазн воскликнуть «да это же диалектика, друг!» и этим ограничиться в понимании. Просто — перестать понимать, «высказавшись про диалектику».

Если просто, то после «пыльного марша» стало «понятно», что

1) А = «А», и значит…
2) А = «не-А»
3) А & «не-А» = Б, т.е.
4) Б = А, причем
5) Пп. «1» — «4»: происходят одновременно!

Заметили, что первый же переход — это переход от «непосредственного существования» к «рефлексивному»! Конечно, Гегелю легко было манипулировать с «границей». И у него оказалось очень много «политических учеников», которые действовали очень просто, провозглашая смыслы: «граница — для трусов»!

Мы до сих пор «заражены» «диалектическим вирусом», не умея преодолеть «дуальной логики оценки исторических процессов»…

Остановимся на «простом». Попробуем понять, как возможна непосредственность, которая описывается так: БЫТЬ (со) СМЫСЛОМ. А значит, и «быть (со) смыслом», «быть (без) смысла». Важной представляется мысль О.И. Генисаретского: «Инкультурация, являясь проекцией антропологического синтеза в иконическое пространство культуры, представляет собой особый способ вхождения в ее наличное тело новых ценностно-значимых составляющих — образов, “вещей” или персонажей, символических и энергийных комплексов.

Она представляет собой раскрытость культуры и реальность духовной жизни, обозначаемую в терминах той или иной картины мира, через ценности как органы "внутреннего человека", через способности его сознания/воли и переживаемые им душевные состояния» [3, с. 15]. Сегодня эти слова можно понять и так: «человек на развилке». Попадая «в культуру», приходится «переживать» и(или) — «размышлять»?

В данном тексте была предпринята попытка одновременно «быть непосредственной» и «не быть непосредственной». Быть «рефлексивной» и «не быть рефлексивной». Ведь не ненароком же! Да, я — смотрю (слушаю, прикасаюсь, нюхаю)… Сознаю? Так как же возможна «непосредственность»?.. К тому же: приветствуется ли она? Или должна быть преодолена, разрушена, элиминирована? Благотворно ли влияние «рефлексии» на человеческое существование? Признание студента после курса обучения философии: «Я меньше стал материться» [4, с. 20]. Непосредственное Действие? Формулируя так в этом самом месте текст, «я» допускаю, что, совершая поступок, делая что-то или даже с кем-то, «я» не размышляю перед тем, как ЭТО сделать, о мотивах… Зачем я это делаю? С какой целью?..Чего хочу?..

Существует некий соблазн толковать об опосредствовании только потому, что есть некоторые «органы» — глаза, уши, язык, нос… Вот только «я» сегодня ночью проснулась от непосредственности вопроса, который существовал во мне, когда «я» спала, глаза мои были закрыты, нос потихонечку сопел, уши не слышали звуков ночи, язык был свободен от вкуса… Вопрос, который возник во мне помимо моей воли, за пределами желаний, «я» не стремилась к нему и не выбирала приемы, с помощью которых смогу расшифровать смыслы, вложенные в него, звучал во мне — хотя! Как «я» могу описать этот «звук», когда вокруг была молчаливая ночь?! А вопрос звучал так: откуда во мне берется этот долг жить? И «я» не применяла там, внутри себя, ненормативную лексику…

Этот внутренний текст, который возник во мне молча, побуждает меня задуматься. Как я его слышу, если он не звучит? Как я его вижу, если он не написан. Как я его понимаю, если он не написан и не прочитан? Каков смысл мне размышлять про текст, который и не написан, и не прочитан, а просто помимо моей воли возник во мне? В моей темноте. Или в моем свете.

В поисках ответа начинаешь путешествие «в себя», надеясь, что у меня есть время ответить… Может быть, мне, проснувшись, надобно заняться рефлексией?..

Рефлексия по привычке — «философский метод». Такой способ «разглядывания» себя самого, чаще — «мышление о мышлении». Однако поскольку «рефлексия» производится как бы «мысленным взором», то оказывается, что это такая внутренняя способность «видеть» мышлением. Смущает только то, что «мое непосредственное» временами не желает разговаривать с «моим рефлексивным». И время от времени появляется «я-медиатор», которая уговаривает «меня непосредственную» помириться со «мной-рефлексивной»… Так и приходится напряженно присутствовать во сне, прислушиваясь всю ночь к спокойным, раздраженным, а то и визгливым голосам. Скандалящих «про меня». Проснувшись, приходится «собирать единство себя», реанимироваться и попадать в «одну реальность». Но «ночные голоса» настаивали, что невозможно «быть реальным», поскольку «я» только лишь текст, который показался мне предпочтительным ночью.

Когда «я» странным образом решала, быть ли мне сегодня днем «непосредственной»? Или «рефлексивной»? Хотя были предложения «быть естественной», но кто-то там, в ночи выкрикивал странные лозунги про то, что пора «быть культурным»! «Личностное одиночество» или «существовании в диалоге»? [8]. Есть соблазн понять «непосредственность», «мое» ночное путешествие с разговорами как некое «движение по ступеням». Не важно, вверх ли, или — к «свету», или «вниз» — во тьму. Каждая ступенька, по которой «я» готова спуститься, наверное, является движением «к глубине». Только вот чего? «Смыслов»?

Попробуем на кого-нибудь «опереться», не «своевольничать»… К примеру, Гуссерль понимает сознание как процесс смыслообразования и конституирования и, соответственно, рефлексию как описание ноэтико-ноэматической структуры сознания и выявление различных уровней конституирования. Согласно Гуссерлю, сознание есть «обобщающее название для любых "психических актов" или интенциональных переживаний». Соответственно, акты рефлексии есть не что иное, как *переживания* особого рода, акты, «в которых поток переживаний вместе со всеми своими многообразными событиями (моментами переживания, интенциональностями) может быть схвачен и проанализирован с очевидностью». Сознание, по Гуссерлю, есть имманентная темпоральность, соответственно, рефлексия как схватывание временного потока сама является темпо-

ральной…[6]. Еще: «Проблема связи рефлексии и сознания приобретает в феноменологии Гуссерля особую остроту. Если рефлексия зависит от определенного понимания сознания, то каковы истоки этого “первичного понимания”? Если оно внерефлексивного происхождения, то может ли быть феноменологический метод всецело рефлексивным? С другой стороны, каковы истоки самой рефлексии? Если они коренятся в нерефлексирующем сознании, не означает ли это, что рефлексия имеет внерефлексивный фундамент? В этом случае на всеобщность рефлексии накладываются существенные ограничения» [6]. И мы сегодня бы рискнули добавить: «ограничения непосредственности»! Ведь «дурновкусие», «зломыслие», «сквернословие», «мыслебоязнь»… — не все «наши» «непосредственности»!.. Они — больше «рефлексии»…

Рефлексия — достаточно активная процедура. Нам кажется, что есть задачка понять «видение» как некое пассивное отражение и «видение» как активное «разглядывание». Такой «прожигающий взгляд». Взгляд, которым можно «прочертить границы», осуществить разграничения.

Всякая непосредственность демонстративна. И, похоже, спекулятивна. Манипулятивна. Непосредственность симулируется? Может быть, «непосредственность» — это только ЖЕСТ? Причем: ВСЕГДА?! Этот вопрос относится равно как к мышлению, так и к другим «обстоятельствам» личной жизни.

В непосредственности как акте проживания существуют все «личные активы»: и гнев, и радость, и печаль, и надежда, и вера, и уныние, и мышление… Не хотелось в этот самый момент называть перечисленные существительные «человеческими качествами». Хотя бы потому, что голова услужливо подсказывает, что где-то есть и «количества», некая… интенсивность. Пометим на полях, что попытка «сосчитать» эти самые «качества» вводит любого нормального человека в изумление! Нет такой практики! Нет таких «списков»! Не существует «правил» инвентаризации…

«Я» могу видеть свой гнев. Но, скорее всего, не управляю им. Или, точнее — до тех пор, пока я гневаюсь — я не вижу. И, тем не менее, моя готовность «провести границу» гнева (гневу) вовсе не означает, что я «интегрировала» свой гнев в свое мышление. Что я «поняла» его. Демаркация вовсе не означает «понимание». Точно таким же образом во мне существуют и другие активы. Активы непосредственны. Пассивы рефлексивны. Только демаркация как часть рефлексивной процедуры, как активное видение — специфическая «моя» деятельность в отношении «меня».

Вполне может статься, что демаркация активов — зряшная процедура! Часть из них никогда не сможет стать пассивами, сбалансироваться. Тем более что, похоже, в части «активов» нужна еще какая-то разметка.

Стоит заметить, что человек неопытный на предложение «увидеть внутри себя» нечто отвечает изумлением, смущением, неуверенностью. Он не владеет арсеналом и «технологиями» видения и идентификации того, что «увидит». Рефлексией как практикой. У него нет «слов» для того, чтобы начать наименование. У него нет «материала» для «границы». Если граница установлена, то ее, похоже, стоит и удерживать?!.. «Граница» не есть что-то равнодушное и естественное.

Материал для «демаркации» поступает из сферы культуры. Там хранятся некие «образцы», сравнение с которыми может подсказать, как «называется» то, что хотелось бы идентифицировать?.. Образцы «гнева», «радости», «надежды», «любви», «смущения», «утешения»… Непонятно пока — как связаны между собой эти «активы» и, скажем, способность понимания? Жесткой ли является связь между, допустим, гневом и непониманием? Подлостью и гнусной радостью, к примеру, и мечтательностью? Радостью и мышлением… Если я радуюсь — я лучше размышляю? Лучше — это как?

Как возможна «непосредственность»? И как она выглядит?.. «Мне» показывают «нечто» для того, чтобы «меня» мотивировать на «что-то». Меня «играют»! У «непосредственности» есть «мотивы». Они прикреплены к ней где-то. А «моя» задача расшифровать связь, обнаружить веревочку, увидеть — на что меня обрекают?! Ведь она эта «непосредственность» не может стать моим «приговором»!?

Возникает один простой вопрос: как «я» могу быть «непосредственной»? Впадая в гнев? Умирая? Любя? Размышляя? Если «я» нахожусь в культуре, то «я» по определению лишена права на непосредственность. Бодрийяр толкует о симуляциях [2]. Однако как «я» могу различить в себе «симуляцию» и «настоящее», если «мое существование» является следствием многочисленных репрессивных процедур? Репрессии и осуществлялись по отношению к моему настоящему! Например, в системах образования. Ведь не «я» принимала решение отправляться в школу изучать геометрию. Мне это действие было вменено. Не «я»

принимала решение. Пресс в отношении меня и составил содержание моей жизни: «репрессинг».

Причем «репрессинг» регулярен, хотя и скрыт. Поскольку является сущностным признаком реальности. Об этом «настоящем существовании» приходится лишь догадываться! В том числе именно потому, что «репрессия» стала привычной как «культура». Более того, сдержанность как последствие сдерживания и может предъявляться в качестве образца для тиражирования. В ряде эпизодов возникая как укор «свободе». В формате «свобода — без сдержанности некультурна».

Таким образом, на поверхности видения оказывается, что непосредственность репрессируется сдержанностью в процессе репрессинга. И в мышление попадает как сдержанная непосредственность. Именно эта непосредственность симулирует настоящее, неограниченное свободное существование непосредственности. Хотя и объявляется «несдержанностью». Настоящий мир несдержан.

Поскольку «я» располагает множественностью своих внутренних «активов», которые, собственно, и образуют активность, то всякий раз комбинации активов образуют человеческую реальность, которую невозможно идентифицировать. Давно понятно, что «в одну и ту же реку не войти дважды», равно как и «быть самим собой» невозможно. Иначе бы мы стали произносить о себе один и тот же текст. Всегда. Мы не можем. Нам это надоедает. И мы используем возможность кокетства с репрессией. Разнообразя скучное существование в репрессинге. Хочу быть непосредственной!

Непосредственное время**.** Это то, что происходит «здесь и теперь». А что «происходит»? То, что происходит, обычно называется «ситуацией». Ну и попали же мы в ситуацию, господа! Вот так вляпались! Ага, приключение начинаются! У того, что мы готовы назвать «непосредственное время», есть какие-то закладки. Люди, в него вошедшие. Намерения. Крики. Красное лицо. Гневный взгляд. Слова. Тексты. Цитаты. Кодексы. Напряжение. Сдерживаемые рыдания. Контексты. Рамки. Рампа. Задник. Декорации. Это не все… Но есть «первая строка». И есть — «последняя». В «протоколе ситуации». Вот протокол-то и будет входом в «другое время». Не «непосредственное»!

Значит: «прошлое» не может оказаться или «быть непосредственным». Равно как и «будущее». Хотя, если мы хотим попасть или туда, или сюда, стоит договориться, что станем включать в «непосредственность времени»? Рыдания? Слова? Тексты? Взгляды? Надо понять, как оно происходит? Время-то?

Похоже, время — это набор границ. Возможно «тех самых», о которых мы только что размышляли выше. Которые можно удерживать и сосчитать. Перешагнуть. Отдалить. С границей же можно действовать по-всякому. Значит, и действия с границами — тоже принадлежность времени? Скажем так: «демаркационная активность»…

Карта времени — тоже имеет форму непосредственности? Которую можно увидеть, вдохнуть аромат, потереть руками, пошелестеть… Такая симпатичная старая карта старого времени… Если есть карта времени, то есть и стол. На который она ложится в нашем «штабе». На карте обозначены горы, моря, долины, впадины, дороги, леса, поля… и «направления»! На карте времени есть «низ». И «верх». «Правое» и «левое». И карта — не круглая. А… продолговатая…. Ее можно сворачивать и прятать. В «портфель времени»… Чтобы удобнее носить с собой. Не забывать…

Можно, правда, ее перевернуть. Использовать как походную скатерть. Селедку на газетку положить. Стопки расставить. Выпить по-походному. По-темпоральному… Хлеб на рюмку дорогого мертвеца положить… Хлебнуть не чокаясь… Карта же. Времени. И существует, чтобы поминать… Человеческое время существует не тогда, когда тикают часы. А, скорее, тогда, когда человека накрывает грусть или радость. Что-то непосредственное в ответ на память…

Рефлексия времени. Временами это просто память. О тех границах, которые составили славу. Или о полях, на которых нашли свое бесчестье. На карту нанесены сражения за подвиги. Здесь и жертвы. Карта покрыта пролитой кровью. Видите те бурые пятна? Это не горы. Это кровь. Воспоминания о времени не равнодушны. Там, позади любовь. Она, хотелось бы надеяться, и впереди — в тех мечтах, в том загнутом уголке, который еще не открывали… Там на карту нанесена судьба. Нарисована. Ее бы надо увидеть… Но как увидишь свою судьбу?! Разве что чужую. В виде советов, рассказов, сожалений… Эта карта «моя», можно показать ее своим детям. Шелестите тихонько ею по воскресеньям. И дочь уже — ушки на макушке — бежит на кухню заваривать свежий чай… чтобы слушать и разглядывать чудеса.

Дерефлексия времени**.** Это когда хочется порвать свою карту. Стыдно. Не рискнули различать подлецов и пошлецов. Дружили с мерзавцами. Не прощали. Вели себя высокомерно. И теперь попали в топь, в болота, в сухостой… Кажется, что именно эта процедура — «дерефлексия» — непосредственная так же, как и предыдущая рефлек-

сия: она дарит нам набор человеческих качеств, свойств, талантов, способностей… Тут, в сожалениях, в страдании обнаруживается, что есть честь. Вместо «моего» бесчестия. Есть любовь, а не равнодушие. Есть доблесть вместо трусости. Есть вера поперек обмана. А подлость, на которую уповали как на спасение, привела ко вторым дверям Дантова путешествия… Непосредственность дерефлексии — это как списки «грехов». Дотошно составленные служителями.

У каждого времени есть свой цвет. Он таков, каково место, куда вы глядите. Вверх, в небо? Тогда — сине-фиолетовый. Белый. С облаками. Вперед, за горизонт? Желтый. Слепящий. Или красно-оранжевый, к ветру. Под ноги? А там: зелень травы или белизна снега. Рыхлая черная грязь. Или коричневая рассыпчатая земля. А то и песок. За спиной? Ваша серая тень. Такая же, как и та, в которую, если она вас обогнала, страшно вступить. Время — это настроение. Это вот сиюминутный… Хотите — выдох. Это эксперименты. Закрыл глаза. Открыл глаза. И увидела улыбку мамы. Еще даже и не пискнув. Светло. Темно. Цветно.

Когда желания кончились, часы еще тикают. А времени уже нет. Исчезло. Карта — вот она вся на столе. И как ее ни верти, где не наноси еще какие-то мелкие надписи, она уже стала глобусом. Только крутить. Даже бокал вина не поставишь. Не помянуть тех, кто закопан в этом шаре. Смыслы кончились. А никто не научил их создавать. Искать — учили. Находить? Тоже. Пытались хранить? Пробовали. А вот делать их? Оказалось, что конец смыслов тоже непосредственный. Как смерть. Только чужая — событие для кого-то. Не твоя. Когда твоя? Время кончилось. Непосредственно. Часы остано… Все.

В данном тексте была предпринята попытка одновременно «быть непосредственной» и «не быть непосредственной». Быть «рефлексивной» и «не быть рефлексивной». Этот текст — не «утверждение» чего-то вполне определенного, уверенного, «твердого». Это не очередная попытка «манифестирования» очередной «истины». Скорее, это бег вприпрыжку в погоне за утраченной непосредственностью. Философия сделала нас всех «чуть-чуть хромыми», лишив нас аромата непосредственности жизни… Но если мы вдруг вспомнили об этом аромате, то именно благодаря философии. Так что, в каком-то смысле, этот текст — «благодарность философии»…

Список литературы

1. *Бадью А.* Манифест философии / сост., пер. с фр., послесл. В.Е. Лапицкого. 2-е изд., испр. СПб.: Machina, 2012. 190 с.
2. *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляция. Тула: Тульский полиграфист, 2013. 209 с.
3. *Генисаретский О.И.* Навигатор: методологические расширения и продолжения. Москва.: Путь, 2002. 528 с.
4. *Курбатова Л.В.* Философия: общечеловеческое образование // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура. История. Философия. Право. 2012. № 5. С. 15–20.
5. *Лосев А.Ф.* Философия имени. Из ранних произведений. М.: Правда, 1990. 655 с.
6. *Мочалов В.И.* Время и сознание. Критика феноменологической философии. URL: http://www.ruthenia.ru/logos/personalia/molchanov/zb/06_2_1.htm) (дата обращения: 25.04.2014).
7. *Слотердайк П.* Сферы. Макросферология. Т. 2: Глобусы. СПб.: Наука, 2007. 1223 с.
8. *Столбова Н.В.* Между одиночеством и диалогом Фридрих Ницше и Леонгард Франк// Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура. История. Философия. Право. 2011. № 4. С. 22–30.
9. *Эко У.* Откровения молодого романиста / пер. с англ.А. Климина. М.: АКТ: CORPUS, 2013. 320 с.

Получено: 15.04.2014.

References

1. Badiou A. *Manifest filosofii* [Manifesto for philosophy]. Saint Petersburg, Machina Publ., 2012, 190 p. (In Russian).
2. Baudrillard J. *Simulyakry I simulyatsiya* [Simulacra and simulation]. Tula, Tul'skij poligrafist Publ., 2013, 209 p. (In Russian).
3. Genisaretskiy O.I. *Navigator: metodologicheskie rasshireniya i prodolzheniya* [Navigator: methodological expansions and prolongations]. Moscow, Put' Publ., 2002, 528 p. (In Russian).
4. Kurbatova L.V. [Philosophy: a panhuman education]. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo universiteta. Kultura. Istoriya. Filosofiya. Pravo.* [Perm National Research Polytechnic University Bulletin. Culture. History. Philosophy. Law]. 2012, no 5, pp. 15–20. (In Russian).
5. Losev A.F. *Filosofiya imeni. Iz rannih proizvedenij* [The philosophy of name. From early works]. Moscow, Pravda Publ., 1990, 655 p. (In Russian).

6. Mochalov V.I. *Vremia i soznanie. Kritika fenomenologicheskoy filosofii* [Time and consciousness. Criticism of phenomenological philosophy]. Available at: http://www.ruthenia.ru/logos/personalia/molchanov/zb/06_2_1.htm) (accessed: 25.04.2014). (In Russian).
7. Sloterdijk P. *Sfery. Makrosferologiya. Tom 2. Globusy* [Spheres. Macrospherology. Vol. 2. Globes]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2007, 1223 p. (In Russian).
8. Stolbova N.V. [Between solitude and dialogue Friedrich Nietzsche and Leonhard Frank]. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo universiteta. Kultura. Istoriya. Filosofiya. Pravo.* [Perm National Research Polytechnic University Bulletin. Culture. History. Philosophy. Law]. 2011, no 4, pp. 22–30. (In Russian).
9. Eco U. *Otkroveniya molodogo romanista* [Confessions of a young novelist]. Moscow, AKT: CORPUS Publ., 2013, 320 p. (In Russian).

The date of the manuscript receipt: 15.04.2014.

ABOUT THE «INGENUOUSNESS»

Ludmila V. Kurbatova

Perm National Research Polytechnic University; 29, Komsomolskiy av., Perm, 614990, Russia

The article reviews the existing of «ingenuousness» and it's interaction with mediate. The feasibility of procedure's demarcation in «inner vision» that allows to distinguish single fragments for discerning and determination. It turns out that interaction of ingenuousness and mediate doesn't mean development. But when does the «ingenuousness» exist? How does it appear? The article attemps to be as «ingenuousness» as not to be one. To be «reflective» and not to be one. There is a temptation to see «ingenuousness» as some «stairs walking». Doesn't matter either up, to the shine or down, to the gloom. Every step «I» am ready to reach is, perhaps, a move towards «the depth». But what? Senses?

Key words: the dialectics; the self; the ingenuousness; the mediate; the knowledge; the thought; the identity; the reflection; the dereflection; the creativity.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:
Курбатова Л.В. О непосредственности // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. № 2(18). С. 80–86.

Please cite this article in English as:
Kurbatova L.V. About the «ingenuousness» // Perm University Bulletin. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2014. No. 2(18). P. 80–86.